

О материальной культуре и менталитете ростовских огородников в конце XVIII – первой половине XIX в.

А.Г. Морозов

В качестве предмета исследования избраны материальная культура и менталитет ростовских огородников на примере крестьянства крупных торгово-промышленных селений у озера Неро, так называемых «торговых сел» Ростовского уезда Ярославской губернии в указанный период.

Источниковая база исследования опубликована отдельной статьей ранее¹. Как дополнение, в настоящей работе также были использованы рукописные документы XVIII – XIX вв. из собрания А.А. Титова в ОР РНБ: материалы вотчинных архивов приозерных селений; описания Ростовского уезда периода 1850 – начала 1880 гг., сделанные А.А. Титовым на основе сведений, полученных от информантов с мест; его собственные полевые дневники и т.д.² Вполне очевидно, что перечисленные материалы собирались, анализировались, а затем легли, уже без многих деталей, имеющихся в черновиках, в основу капитальной работы краеведа – «Ростовский уезд...»³. В качестве иллюстраций приведены фотографии, полученные в полевых выездах научно-исследовательской экспедиции ГМЗРК 2005, 2007 и 2010 гг.⁴

Под материальной культурой понимается не столько создание предметного мира людей, сколько деятельность по формированию «условий человеческого существования». Сущностью материальной культуры является воплощение разнообразных человеческих потребностей, позволяющих людям адаптироваться к биологическим и социальным условиям жизни⁵.

Менталитет различных слоев российского общества, в частности крестьянства, является одной из малоизученных проблем, находящихся на стыке истории, культурологии, психологии. Характеристика менталитета той или иной социальной группы, сословия или класса (социума), должна раскрывать содержание комплекса умонастроений, мировоззрений, интеллектуальных и духовных возможностей (потенций) как отдельных представителей исследуемого социума, так и превалирующих в данном социуме качеств, формирующихся под влиянием условий, в которых протекает деятельность людей. Однако этот процесс опосредован через развитие у них мотивации поступков на поведенческом уровне, то есть через механизм социальной психологии⁶.

Представляется важным рассмотреть данные составляющие у ростовских «капиталистских» крестьян – торговцев и огородников. Ключевыми,

на наш взгляд, факторами, оказавшими воздействие на формирование их менталитета, были: аграрное перенаселение Ростовского уезда; развитие промыслов; православие; государственная политика по отношению к крестьянскому сословию; разнообразное отношение к нему различных социальных слоев; социокультурная среда города. По мысли Ф.Я. Никольского «нужда...», заставила крестьян искать действительных средств к существованию, заняться торговлей и промыслами, привела их в города⁷. Созданию и проявлению у ростовских огородников специфического, отличного от традиционного для российского крестьянства менталитета также весьма способствовал просвещенный патронаж их помещиков⁸.

В середине XIX в. И.И. Хранилов писал, что благодаря широкому развитию торговли и промышленности большая часть селений Ростовского уезда отличалась многолюдством, богатством, высокой грамотностью и удобством жилища. В числе заслуживавших особого внимания населенных пунктов, он выделял г. Петровск, Борисоглебские слободы, села Вошажниково, Поречье-Рыбное, Угодичи и Воржу⁹.

Существенным фактором, определяющим развитие материальной культуры ростовских огородников, являлось городское влияние. Уже в топографическом описании Ярославской губернии 1798 г. отмечается, что крестьяне «...живущие близ городов и часто бывающие в оных празднolibнее отдаленных и привыкают к излишествам»¹⁰. Отхожие промыслы были важным социально-экономическим явлением в истории верхневолжского региона, способствовали модернизации, демократизации и эмансипации крестьянского общества, вели к определенной трансформации не только социально-экономических, но и культурологических процессов, повышению уровня крестьянского сознания¹¹. А.А. Титов, приводит известную характеристику ярославского крестьянина, данную Артемьевым: «Вращаясь между людей всех классов и по преимуществу в столицах, он (ярославец – А.Т.) усвоил себе манеру общения, вежливую, вкрадчивую, то льстивую и уклончивую, то самоуверенную, подзадоривающую и вызывающую...» и отмечает, что «эта характеристика ярославца вообще применима и к ростовцу в частности»¹².

Материальная культура крестьян ростовских приозерных торгово-промышленных сел значительно отличалась от деревенской

Илл. 1. Поречье, застройка улицы Центральная, дома 2, 4, 6. Фото 2010 г.

Илл. 2. Поречье, застройка улицы Центральная, дома 18, 20, 22. Фото 2010 г.

постоянные для локального торгового центра атрибуты в виде соборов, храмовых комплексов, общественных — административных зданий вотчинных правлений, торговых рядов, пожарных депо с каланчой, школ, обсадки улиц деревьями, их мощение¹⁶. Улицы, прилегающие к центру, лучшие участки «красных посадов» отводились под застройку домов наиболее состоятельных крестьян¹⁷. Так, во второй четверти XIX в. с. Поречье, по свидетельству современников, приобрело вид «красивого богатого города с широкими мошеными улицами»¹⁸.

В топографическом описании Ярославской губернии 1798 г. отмечается, что строение домов у жителей Ростовского уезда гораздо лучше, чем в других округах¹⁹. В конце XVIII в. в Поречье характерным типом гражданской застройки, как в Голландии, стал

культуры тех районов уезда, где крестьяне занимались традиционным полевым земледелием. По числу жителей и внешнему облику данные селения превосходили многие уездные города страны¹³. Вслед за городами, нередко возникавшими из сёл, особенно в ходе административной реформы 1775 — 1785 гг. в крупных ростовских приозерных селах, распоряжениями губернских, уездных властей и просвещенных помещиков, принимались специальные меры, чтобы придать селениям соответствующий «городской» вид¹⁴. По утверждённым помещиками планам осуществлялась перепланировка¹⁵: создавались правильной формы кварталы, обустраивались центральные площади, получавшие

Илл. 3. Поречье, застройка улицы Центральная. Дом с проездной аркой во двор. Фото 2010 г.

так называемый «дом в ряду», активно использовались развитые «городские» архитектурные формы жилых домов: двухэтажные деревянные и каменные пятистенки, имевшие как правило, проездную арку с улицы в деревянный двухэтажный двор²⁰. В середине XIX в. «...крыши у домов каменных почти все железные, а деревянные все под тесовую кровлю, крутую, высокою, пирамидальной формы, соломенных кровель нет даже и на дворах...»²¹.

Илл. 4. Угодичи, дом с проездом во двор. Фото 2007 г.

Вследствие малоземелья, на ограниченном пространстве застройка улиц была очень плотной «дом к дому». Однако, через каждые 4-8 домов, согласно «Повелениям», а затем «Уложению» графа В.Г. Орлова, следовал довольно широкий проулок — пожарный проезд, разделяя улицу на жилые блоки, в которых часто жили дальние родственники²². Зажиточные крестьяне стремились подчеркнуть свой достаток размерами дома и богатым его украшением в современном архитектурном стиле, имелись дома «...с колоннами и фронтонами времен Александра Благословенного и сравнительно немного зданий с фасадами без всяких украшений»²³. Членение внутреннего пространства жилых помещений, с несколькими чистыми горницами с изразцовыми голландской печью и лежанками, было сложным. Дом мог иметь следующие «покои»: прихожую, гостиную, залу, спальни, горницы, кухню²⁴.

В вотчинной документации также перечисляются бытовые и хозяйственные постройки, среди которых: коридоры или «мосты», чердаки,

Илл. 5-6. Сулость, застройка "Красного посада". Проулок между домовладениями. Фото 2007 г.

Илл. 7. Поречье, застройка улицы Фрунзе. Дом 1. Фото 2010 г.

Илл. 8. Поречье, улица Фрунзе, д. 1, проезд во двор. Фото 2010 г.

Илл. 9. Поречье, улица Фрунзе, д. 1, комната первого этажа. Фото 2010 г.

чуланы для хранения «домашнего скарба», «мучные», каменные бани, где не только парились, но и сушили травы, горох и цикорий, специальные каменные и деревянные цикорные сушильни или «риги», теплицы и парники, колодцы и пруды, гряды с товаром на огородных участках, сады, сально-свечные заводы, кузницы и торговые лавки с надлежащим оборудованием. Порой упомянут и домашний скот — одна или две коровы, места их стоянки во дворах — «остаи» и др.²⁵

Описания интерьеров крестьянских домов — важный показатель уровня материальной культуры. Отделка поверхности стен шпалерой, разнообразие мебели и предметов утвари, собрание икон, портреты, картины, небольшие библиотеки, широкое использование свечного освещения, термометр, чистота и порядок в домах — по этим характеристикам быт ростовских огородников отличался от быта, сохранявшегося у хлебопашцев²⁶. Позитивную роль в ускорении процесса развития материальной культуры сыграли вотчинное патронирование, направленное также на использование крестьянами более совершенных методов строительства и деятельность сельской общины, в поле зрения которой находилось внутреннее состояние домов²⁷. Подчеркнем отсутствие или минимальное число в приозерных

селениях курных изб, широкое применение бань для помывки вместо печей; страхования строений; использование лошадей в большей степени или только в качестве транспортного средства — по-городскому; развитие ремесленного, мелкого и среднего промышленного производства, кредитной системы и найма рабочей силы²⁸.

Зачастую именно менталитет социального окружения — просвещенного дворянского в лице собственных помещиков, торгового купеческого, городского определял успешную деятельность конкретных ростовских крестьян-торговцев и огородников, позволяя им прочно обосновываться в бизнесе²⁹. Главным образцом для подражания части крестьян-отходников, особенно молодежи, были жители столиц, крупных губернских городов — купцы и мещане. Рапорт бурмистра с. Поречья от 27 июля 1781 г. иллюстрирует масштабы отхода: из 846 ревизских душ в отходе по паспортам, в 12 городах, числилась 331, в том числе в Петербурге — 221, Москве — 82. В целом: 39,1% мужского населения³⁰. Капиталистые крестьяне имели желание и возможности следовать в образе жизни и в удовлетворении своих социальных и духовных потребностей, свойственных купечеству, даже местным дворянам и чиновникам. Здесь показательны браки с представителями других сословий. Родственные связи с купечеством, мещанством и духовенством имели 22,3% крестьянских фамилий или составных семей. Для малой семьи из одной брачной пары, учитывая семейные разделы, данный показатель составит 11,2%³¹. Брак был значимым каналом вертикальной и горизонтальной социальной мобильности³², своеобразным выкупом на волю для крестьян, уплачивавших помещику «выводные деньги» за невест, вышедших замуж «на сторону»³³. Следующие поколения — дети и внуки ростовских крестьян-вольноотпущеников,

Илл. 10. Поречье, улица Фрунзе, д. 1, комната первого этажа. Печь с лежанкой. Фото 2010 г.

Илл. 11. Поречье, улица Фрунзе, д. 1, лестница на второй этаж. Фото 2010 г.

Илл. 12-13. Поречье, улица Фрунзе, д. 1. Второй этаж: горница с лежанкой, зал с изразцовым щитом лежанки. Фото 2010 г.

нередко вступали в брачные связи с представителями уже дворянского сословия³⁴.

В источниках зафиксированы многочисленные факты горизонтальной мобильности: заключения браков помещичьих крестьян с вольными хлебопашцами, государственными крестьянами, то есть их перемещения из одной категории в другую. Причем, около 40% крестьянских семей имели родственные связи с представителями сразу нескольких социальных групп³⁵. Усиление миграции населения, изменение характера занятий, повышение вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, являлись мощными факторами, способствовавшими изменению ментальности.

Людность семьи один из важных показателей патриархальности/модернизации. В.А. Александров рассматривая вопрос о связи между типом крестьянской семьи, показателем ее людности и имущественным положением крестьянского двора (как барщинного, так и оброчного), отмечал: малые семьи — у бедных и, отчасти, средних крестьян, неразделенные семьи — у средних и зажиточных³⁶. Расчеты М.Ф. Прохорова по материалам ростовской вотчины Куракиных в селе «Воскресенском Гвоздево тож», датированной 1770 г. также свидетельствуют о том, что средние данные о количестве работников возрастали по мере укрепления материального положения хозяйства воскресенских крестьян-хлебопашцев³⁷.

Помещики в XVIII в. хорошо понимали неустойчивость и слабость «одинаких» хозяйств и всячески препятствовали делению сложных семей³⁸. Уложение графа В.Г. Орлова, подробно регламентирует все стороны

крестьянской жизни, включая семейные разделы и в нем однозначная установка на сложную семью: «От разделу семей крестьяне приходят часто в упадок и разорение, а потому оный вреден»³⁹. Но в другой редакции «Уложения» о разделах говорится, что «...последние дозволять только тогда, когда они нужны, в противном случае не позволять, а самовольно разделившихся наказывать»⁴⁰. Прекращение на определенном этапе дробления крестьянских земель между членами семьи было также формой борьбы с малоземельем. Подобным образом в распоряжении графа В.Н. Панина поречскому вотчинному правлению от 16 декабря 1844 г. значится: «Не дозволю разделов в семействах, если менее четырех работников»⁴¹.

Тем не менее, в крупных приозерных селениях связь между типом крестьянской семьи и имущественным положением крестьянского двора имела свою специфику. Вовлечение крестьян—огородников в орбиту товарно-денежных отношений очевидно уже во второй половине XVIII в. повлекло ослабление патриархальных устоев сельского быта, роста крестьянского индивидуализма, начался процесс численного роста малых семей. Последние исследования отечественных и зарубежных историков показали: там, где земледельцы были свободны от отработочных повинностей, активно использовали наемную рабочую силу или сами работали по найму, могла преобладать малосемейная модель⁴².

В подворной описи с. Поречья 1784 — 1788 гг.⁴³ крестьяне отмечены «во дворе...» с указанием фамилий, степени родства, начиная со старшего по возрасту члена семейства. Анализ подворной описи на предмет людности семей, количества в них мужчин, брачных пар и поколений при сплошном подсчете на 100 дворов показал: самыми многочисленными были семьи с людностью в диапазоне от 3 до 6 человек. На них приходится 64% дворов, от 2 до 5 мужчин, 1 — 2 брачные пары и 1 — 3 поколения. Семьи одиноких — бобылей и вдов составляли 4%, а состоявшие из двух человек — 7%. На семьи с людностью 7 — 9 человек приходится 16%, до 6 мужчин, 1 — 3 брачные пары и 2 — 3 поколения, а с людностью 10 — 11 человек — 7% и до 7 мужчин. Наконец, семьи с людностью 14 — 15 человек уже единичны. Наибольшее число семей в Поречье имело людность 3 человека — 20%. Бедные семьи — там, где меньше мужчин, такие семьи более зависимы от земельного надела в вотчине. Однако, строгой и прямой взаимосвязи с имущественным положением здесь нет. У крестьянина, даже одинокого, мог иметься внушительный капитал, огородное заведение в городе, функционировавшее с помощью его крепостных людей или наемной рабочей силы, а тягло в вотчине снято. В последней четверти XVIII в. крестьяне-отходники при коренных переделах нередко сами добровольно «сбавляли» тягло неимущим, «чтобы те поправились огородною пашнею»⁴⁴.

Близкие результаты обнаружил анализ подворной описи с. Воржи 1788 — 1792 гг.⁴⁵, где на семьи с людностью от 3 до 6 человек, 1 — 2 брачными парами и 2 поколениями приходится 68% дворов. Но наибольшее число семей здесь с людностью 5 человек — 22%. Наконец, сходные

данные выявлены Т. Деннисон по вотчине графа Д.Н. Шереметьева в с. Вошажниково. Все крестьяне здесь находились на оброке. Деньги для его выплаты многие из них приобретали, в основном, путем торговли, промыслов и отходничества. Поэтому средний размер дворохозяйства в Вошажникове в 1816 г. был также весьма низок: 4,57 человека на двор (в выборке 227 дворов). Соотношение односемейных (с одинокими), расширенных и многосемейных хозяйств составляло 58, 19 и 23%⁴⁶.

Существование в более ранний период больших патриархальных семей с людностью 20 – 27 человек также просматривается в упомянутых подворных описях: у крестьян есть фамилии и в соседних дворах легко угадываются отделенные сыновья, братья и дальние родственники. В целом, у богатых крестьян ростовских приозерных селений людность колебалась от 5 до 8 человек, что аналогично показателям у купечества уездных городов⁴⁷.

В рапортах бурмистров с. Поречья графу В.Г. Орлову за 1778 – 1782 гг. ежегодно фиксировалось по несколько прошений крестьян о разделах. Бурмистры, на основании упомянутых прошений, докладывали графу следующие сведения о семействе: о его численности, отдельно упоминалось о числе душ мужского пола; о количестве тяглой земли при селении; о наличии огородного «завода», торгового капитала, при этом подводился определенный итог платежеспособности; о возможности прибавки тягла. Встречалась также причина разделов – «из-за тесноты», когда в маленьком одноэтажном деревянном доме жила большая составная семья. Однако во всех прошениях отцы, отделяя «большого» или иного сына, брали на себя обязательства построить ему новый дом, наградить суммой от 50 до 100 руб. У богатых к отделяемому сыну нередко переходила часть крепостных людей, купленных крестьянской семьей «для своих услуг». Разрешение на раздел утверждал помещик, резолюцию которого бурмистры фиксировали в последующих рапортах⁴⁸. В первой половине XIX в., выходя за рамки обычного права, в вотчинной администрации складывается практика письменной нотариальной регистрации сделок и соглашений в особых книгах, как между крестьянами, так и крестьян с посторонними лицами. В том числе по семейным разделам, брачным контрактам, дарственным и завещаниям⁴⁹, что также более характерно для города, а не для деревни.

Таким образом, уже в начале изучаемого периода у ростовских капиталистических крестьян, как и у купечества, происходит постепенная эволюция людности и структуры семей с типичной тенденцией разложения сложных семей, упрощения их внутренней и поколенной структуры, движение к простым по типу внутренней структуры семейным ячейкам. Уменьшение показателя людности было вызвано ослаблением патриархальных традиций под влиянием города, повышением общего культурного уровня и роли женщины в семьях отходников, определенным изменением отношения к образованию и воспитанию детей.

Модернизационные процессы в огородном крестьянском хозяйстве Ростовского уезда в дореформенный и пореформенный период, безусловно, происходили гораздо быстрее, чем, в зоне традиционного полевого земледелия. Интенсивное торговое земледелие и отхожие промыслы в столицах, крупных городах внесли много городских черт в традиционные патриархальные отношения среди крестьян, мало способствуя сохранению традиционного менталитета. Так, давая оценку нравам жителей с. Поречья 40-х гг. XIX в. Ф.Я. Никольский писал: «По умственному и внешнему виду крестьян Поречье стоит на одном уровне с купечеством и мещанством внутренних губернских городов, а также тех уездных городов, которые стоят на главных трактах. Здесь нет русских черных изб, беспечной простоты крестьянина и безвкусовой простонародной речи. В доме, на улице, в церкви, поречанин в наряде частью своего, частью немецкого покроя. Смесь старого и нового. Рядом с открытой девичьей головкой, изящно убранной под гребешок, красуется хорошенькая шляпка или чепчик молодой женщины — мода. Тут же старушечья «фата», платок на голове старушки, завязанный двумя концами под шеей, закрывающий спину ниже пояса...»⁵⁰.

Важнейшая составляющая менталитета того или иного социума — его образованность, знакомство с достижениями науки, литературы, искусства. Для крестьян приозерных сел, особенно для отходников, грамотность была весьма актуальна. Подписание различных документов, заключавшихся по сделкам разного рода, требовало от них минимального уровня грамотности. Внешнее обследование списков первостатейных ростовских крестьян, имевших право подписи на важных вотчинных документах, на предмет их грамотности, обнаружило: в 1780-е гг. свои подписи смогли поставить 4 из 5 крестьян, точнее 79%⁵¹. Отметим, что данные показатели характеризуют грамотность только крестьянской верхушки (23%), где она была выше, чем в основной массе. По характеру некоторых подписей можно сделать вывод о слабой грамотности половины подписавшихся, так как очевидно, что практики письма у них почти не было. Подпись за неграмотного, как правило, ставили члены общины, родственники или земляки⁵². При таком раскладе всех грамотных крестьян оказывается только 18%.

Тем не менее, стремление ростовских капиталистических крестьян к образованию было очевидно. Ситуация заметно меняется в лучшую сторону в первой половине XIX в. А.Я. Артынов вспоминал, что крестьянские дети получали домашнее образование, ходили учиться грамоте к священнику⁵³. «Журнал пешеходцев» Макарова 1830 г. с описанием путешествия из Москвы до Ростова содержит несколько замечаний о Поречье. Путешественник поражен зажиточностью и культурностью крестьян: «Из Поречья, — пишет он, — есть крестьяне, живущие купцами, отчасти дворянами; они заботятся и о воспитании детей. Чтецы и писца здесь нередкость, есть и такие которые понимают язык французский, и будут говорить с вами на английском или немецком языках. Мы видели девуш-

ку, молодую, пригожую, дочь торгового-земледельца: она охотно читала Карамзина, Дмитриева, Пушкина; умела ценить по достоинствам все наши журналы и пела песни по Итальянски с особенной приятностью. Она понимала язык!»⁵⁴. Здесь явное преувеличение, результат поверхностных выводов, основанных на мимолетных, единичных наблюдениях. Однако, сходная характеристика крестьян дана во всех описаниях Поречья того времени⁵⁵.

Потребность обучения грамоте была весьма устойчивой. Превалирование домашнего образования и воспитания в первой половине XIX в. объяснялось силой патриархальных традиций. К середине XIX в. торговое крестьянство стало более охотно обращаться к системе государственного образования. В сельской округе Ростова первые школы и училища открываются в крупных приозерных селениях. Так, в с. Поречье церковно-приходская школа была основана в 1828 г., а в 1846 г. по распоряжению графа В.Н. Панина открыто начальное 2-х классное училище⁵⁶. В с. Угодичи подобное училище учреждено в 1844 г.⁵⁷ К середине 1860 гг. грамотность ростовских огородников, имевших право подписи под приговорами волостных сходов, достигла 66,58% и была самой высокой в губернии⁵⁸. Это даже выше чем грамотность мужского населения Петербурга в 1869 г. – 62,0%⁵⁹.

Грамотный ростовский крестьянин-отходник время от времени читал газеты и журналы, интересовался историей и архитектурой, художественной литературой и театром, бывал на маскараде в Зимнем дворце, посещал оперу и балет⁶⁰. Он получал информацию не только устно, но и через текст, что потенциально открывало богатые возможности для расширения кругозора. К середине XIX в. книги, газеты, журналы уже регулярно выписывались вотчинными правлениями⁶¹. Не случайно некоторые из крестьян проявили себя на ниве бытописания – заметок и статей в периодике, краеведения и поэзии⁶².

Своеобразным и таким же эффективным, как у купечества⁶³, было обучение крестьянских детей торговцев и огородников основам своей профессии. Делалось это как внутри семьи, под присмотром и руководством родителей, так и через отдачу мальчиков «в люди», то есть на обучение и для получения навыков «дела» у родственников или знакомых в городе, зачастую столице: «После Ростовской ярмарки, в апреле, – вспоминал А.Я. Артынов, – мать моя отдала меня в мальчики свату своему, ростовскому купцу Василью Ананьеву Малышеву, в овощную лавку...»⁶⁴.

Главным предметом заботы и участия каждого члена семьи являлось семейное дело, под руководством главы семьи, отвечавшего перед общиной за выполнение повинностей и выплату податей⁶⁵. Основными обязанностями хозяйки богатой семьи были организация семейного быта, воспитание детей, управление работой в доме и огородном заведении прислуги: крепостных людей и наемных работников⁶⁶. В семьях «среднего состояния» хозяйка, зачастую, принимала непосредственное участие в

делах, распоряжаясь «поденщиками»⁶⁷. Роль женщины в семьях ростовских огородников в течение изучаемого периода неуклонно возростала прямо пропорционально развитию отхожих промыслов и формализации общинных отношений. Как правило, интересы женщин ставились в равное положение с мужскими, чему способствовал ряд факторов: управление домохозяйством в отсутствие мужа-отходника; владение движимым и недвижимым имуществом, капиталом, закрепленное в брачных контрактах; доминирование в «домашнем» огородничестве женских работ. Свообразным и важным итогом данной эмансипации в изучаемый период стало наделение женщины правом голоса или участия в голосовании на сельском мирском сходе в отсутствие мужа⁶⁸.

В первой половине XIX в., несмотря на меры, предпринимаемые помещиками, препятствующие расслоению, происходит дифференциация крестьянства на различные группы, различающиеся сферами предпринимательской деятельности, размерами капиталов и уровнем жизни⁶⁹. И здесь заметны наметившиеся на ментальном уровне различия между крестьянами-отходниками, огородниками, торговцами и провинциальным крестьянством, занимавшимся традиционным полевым земледелием. Отходники, вставшие на путь экономического благополучия, возможного выкупа на волю, стремились приобщиться к городскому, «столичному» образу жизни. Быт провинциальных крестьян-хлебопашцев отличался большей размеренностью и консервативностью, сохраняя традиционные сословные черты и поведенческие установки⁷⁰. Давая характеристику ростовским крестьянам-хлебопашцам, жившим ближе к окраинам Ростовского уезда, чьи отхожие промыслы зачастую ограничивались сезонной работой в приозерных селениях уезда, А.А. Титов писал: «Величают домашние друг друга «Васька», «Федька» и даже женщины чуть не каждую фразу приправляют отвратительными площадными словами, падки на вино, в честное слово не верят, гостеприимства в русском значении не знают, гостя-странника готовы обобрать, обмануть до последней копейки и до последней нитки, сопровождая свои слова отъявленной ложью и обманом...»⁷¹.

В середине XIX в. для приходивших в ростовскую приозерную котловину на заработки крестьянина-хлебопашца, ремесленника, кустика и рабочего, даже мещанина, представители крестьянской верхушки ростовских торгово-промышленных сел, покупавшие себе крепостных, были образованным обществом и относились, как помещики, к категории барина. Для материально-обеспеченных жителей приозерных селений они были работниками или мужиками⁷².

Важным является вопрос о производственных отношениях, каким на деле было обращение крестьян ростовских торгово-промышленных селений со своими крепостными. Несмотря на строгие правила помещичьего «Уложения», вотчинная документация с. Поречья содержит 1-2 сообщения в месяц о жестоком обращении с указанными лицами. Так, 7 августа 1808 г.

крестьянин Андрей Королев жаловался в домовую контору на побои, нанесенные женой крестьянина Маринина Меньшого его «покупной девке Федосье». 26 августа бурмистр Лалин получил приказ конторы произвести по жалобе следствие, а девку Федосью Андрееву «продать в добрые руки»⁷³. Женщины покупались крестьянами именно как работницы. Среди них значительны доли смертности — 32% и беглых — 10%⁷⁴. С другой стороны, тот же источник свидетельствует, что поречские крестьяне проявляли определенную заботу о своих бывших крепостных людях, обратившимся к ним за помощью. К примеру, в прошении крестьянина Ивана Яковлевича Королева от 14 мая 1813 г. значится, что «отпускная» его крепостной девки Степановой, выданная помещиком еще в 1809 г., во время нашествия Наполеона была утрачена — «истреблена». Королев ходатайствовал перед графом о выдаче ей нового документа, на что получил положительный ответ, а его бывшая крепостная — новую «увольнительную»⁷⁵. Вероятно, вышеупомянутая девка находилась у Королева в услужении уже на основе вольного найма и «работодатель» позаботился здесь о своей наемной работнице.

А.Я. Артынов привел живописный пример об отборе хозяевами работников: «Огородник Совков был человек богатый, был весьма горд и своенравен, мечтал быть великим человеком, имел на огороде большие артели рабочих людей, которых когда рядил, то всегда спрашивал: Вино пьешь? Табак куришь? И если кто был подвержен этим слабостям, то такого работника не рядил, а прогонял без всяких разговоров»⁷⁶. Крестьяне Поречья «почитали за стыд», ниже своего достоинства самим косить сено, нанимая за себя поденщиков из соседних деревень, при этом сословно-правовое положение и тех и других было одинаковым⁷⁷.

Городское сословие сравнительно с крестьянством, в том числе огородниками, находилось в привилегированном положении: оно обладало правом на частную собственность, было защищено законом, имело сословный суд, самоуправление, индивидуально вело свое хозяйство, купечество было даже освобождено от круговой ответственности⁷⁸. Однако многие мещане Ростова и Ярославля, Костромы и Переславля, Твери и Кашина, Юрьева Польского, Суздаля и Владимира жили в ростовских приозерных селах и работали по найму много лет у материально обеспеченных крепостных⁷⁹.

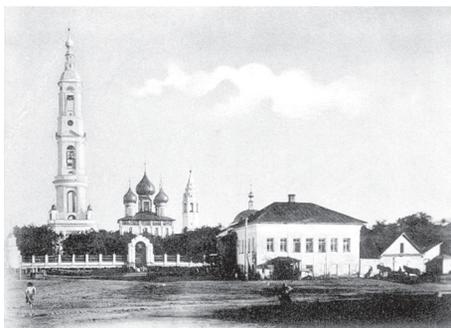
Крестьяне, имевшие масштабную торговлю, огородные заведения в столицах, покупая себе недвижимость и крепостных были вынуждены записывать это имущество на имя помещика, руководствоваться его инструкциями, брать на ведение торговых дел «верющие письма» в домовых конторах⁸⁰, порой ожидать санкции своих общин⁸¹. Одной из причин выкупа на волю подобных удачливых крестьян было то, что статус крепостного мешал масштабным торговым операциям, заставляя за выкуп на волю жертвовать значительной — $\frac{1}{3}$ частью своего капитала⁸².

Тем не менее, капиталистские крестьяне через домовые конторы с выгодой использовали господское покровительство, с помощью реко-

мендательных писем, гарантий, залогов его же крепостными душами, товарами и деньгами⁸³. Регламентации помещика и контроль общины являлись, в теории и практике, прагматичным и справедливым третейским судом при нарушении крестьянами контрактов с компаньонами⁸⁴, а также определенной гарантией от банкротства⁸⁵. Отсюда у ростовских крестьян заметно проявлялась такая категория мышления как корпоративность. Ее своеобразие выражалось в патриархальном характере регламентации жизни общины помещиком, направленной на ее сплочение; в сохранении за вотчинной администрацией в селах и старостами землячеств в городах жёсткого корпоративного контроля над членами общины; доминировании в социальных отношениях общинных связей, а в профессиональной деятельности – связей личного типа; в ощущении групповой солидарности внутри замкнутой корпорации⁸⁶.

Одной из доминант менталитета практически всех российских условий изучаемого периода являлось религиозное сознание. В различной документации, в списках крестьян, занимавшихся торговлей и промыслами, зафиксированы люди, в основном, православной веры⁸⁷. В конце XVIII в. в них еще присутствовали раскольники, старообрядцы⁸⁸. Наиболее известен крестьянин с. Поречья, старообрядец Гавриил Васильевич Веревкин, состоявший в переписке со светлейшим князем Г.А. Потемкиным-Таврическим⁸⁹.

Вера внедрялась в сознание людей того времени в процессе воспитания и обучения, была неотъемлемым средством социализации личности. С одной стороны в Уложении графа В.Г. Орлова есть параграф: «Все крестьянам и бурмистру иметь попечение о нуждах своей церкви»⁹⁰. С другой – значительное число документов указывает на глубокую приверженность ростовских крестьян православной вере. Немало говорится о благотворительности в пользу церкви: на их средства строились и содержались многие храмы Ростовского уезда, а также городов, где крестьяне были в отходе, делались большие взносы «на помин души», в завещаниях умерших выделялась часть наслед-

Илл. 14. Поречье. Торговая площадь и храмовый комплекс в центре села. Фото нач. XX в.

Илл. 15. Поречье. Церковь Св. Троицы. Построена крестьянином А.Я. Пыховым в 1865 г. Фото 2010 г.

ства и т.д.⁹¹ Свидетельством глубокой религиозности крестьян является ревностное исполнение ими обязанностей церковных старост большинства церквей своих сел⁹². «Из собственных церковных сумм, — писал о Поречье Ф.Я. Никольский, — не тратилось почти ничего, кроме библиотеки. Духовенству редко приходилось докладывать о своих нуждах»⁹³.

В числе наиболее крупных жертвователей на нужды церкви назовем поречан И.С. Золотыхина (Лисицына) и И.И. Маринина-Меньшова, А.С. Козлова и И.Я. Королева, А.Я. Пыхова, построившего в Поречье третий храм св. Троицы⁹⁴, его племянников Николая и Василия Яковлевичей Пыховых, много потрудившихся в Москве — храмы св. Николая в Новой слободе и св. Василия Кесарийского на 1-й Тверской-Ямской⁹⁵. Известными жертвователями на церковные нужды в Поречье были Устиновы⁹⁶, в Сулости — Грачевы⁹⁷, в Угодичах — А.Я. Артынов⁹⁸.

Просвещенные помещики, подобные графу В.Г. Орлову и князю С.М. Голицыну, религиозное прилежание крестьян не только регламентировали, но и, при возможности, материально поддерживали, способствовали привлечению для храмового строительства лучших, известных архитекторов того времени⁹⁹. Переписка домовых контор с бурмистрами ростовских вотчин свидетельствует о предоставлении помещиками, по прошениям общин, крупных денежных ссуд на длительные сроки, часто без процентов — «на строение храма», «на слитие колокола» и др.¹⁰⁰

Авторы XIX в. отмечали набожность жителей Поречья, построивших такие монументальные сооружения как собор св. ап. Петра и Павла, по типу губернского кафедрального¹⁰¹, колокольню церкви вмч. Никиты высотой 94 м., делавших богатейшие пожертвования на их содержание: «Церковь — стихия их жизни. Церковь — народный памятник»¹⁰². А.А. Титов упоминал, как поречане, сообразно своему представлению — каким должен быть клир их села, отказали псаломщику Петровского монастыря в занятии постоянного дьячковского места, поскольку голосом он «весьма скуден и к пению по нашему селу совсем недостаточен, а по нашему селу надлежало бы дьячку быть громогласным к чтению и пению партесному достойному»¹⁰³.

А.Я. Артынов вспоминая свое детство, писал о том, что в Сулости славился дьякон, который «...считался по своему голосу первым по всему Ростовскому округу и притом твердо знал нотное итальянское пение. Роста он был высокого и очень красив собой; он был похож на Воржского (из села Воржи того же Ростовского округа); этот последний за свой голос был вызван в Петербург в Императорский зимний дворец и сделан протодьяконом, где и кончил жизнь свою с прозвищем «Ворожского дьякона»¹⁰⁴.

Таковыми известными были в ростовских приозерных селах и священнослужители: с 1793 по 1814 гг. священником с. Поречья и благочинным являлся о. Иоанн Андреев Порецкий — будущий архимандрит Спасо-Яковлевского монастыря Иннокентий¹⁰⁵. В «Путешествии ко святым местам русским» А.Н. Муравьев пишет и о своем путешествии в Ростов. Автор, пользовав-

шийся у духовенства большим влиянием, поместил в рассказ немало бесед с Иннокентием, бывшим уже на склоне лет: «...вся жизнь моя обтекла кругом сего озера, или лучше сказать, я только перевезся с одного берега на другой. Когда вы взойдете, завтра на ограду, или на башню, которую я себе приготовил для покоя, вы увидите за озером высокую колокольню села Поречья, где я долго был приходским священником. Там и дед мой и прадед имели счастье быть посвященными от руки самого Святителя, и я сам, не смотря на все грехи мои, достиг приюта только милостью угодника.

— И так я здесь как бы в его семействе, — сказал я, тронутый живою любовью Архимандрита к св. Димитрию...»¹⁰⁶.

Многих ростовских крестьян можно было видеть частыми гостями у местных священников, нередко архиереев и те обязательно делали ответные визиты, что указывает не только на теплые дружественные отношения и родственные связи, но и на духовную их близость. Так, крестьянин с. Поречья Яков Андреевич Пелевин с женой Анастасией Васильевной более 20 раз выступали восприемниками родившихся детей священников и дьяконов. Он был крестным для мальчиков, она — для девочек¹⁰⁷. Архиепископ Ростовский и Ярославский Самуил Миславский писал в 1779 г. о поречских крестьянах: «...жители порецкие, люди надежные»¹⁰⁸. В.А. Грачев из с. Сулость и А.Я. Артынов из с. Угодичи запросто заезжали в гости «к Игнатию Саперу» — святителю Игнатию Бренчанинову: «...при свидании Грачева с настоятелем я видел, что они были весьма близки друг другу...»¹⁰⁹.

Отметим редкий для России изучаемого периода праздник, так называемый «Никитин день», связанный у крестьян с. Поречья с сельскохозяйственным циклом, весьма сходный с голландским Хэллоуином. К концу уборки урожая, 15 сентября (по старому стилю), в престольный праздник вмч. Никиты, вечером, дети ходили по селу, держа в руках фонарики из овощей —

капустного листа, а также свеклы обыкновенной или кормовой (бураки) и др., у которых вынута сердцевина, а внутрь вставлена свечка. Плошками со свечами, числом до тысячи, украшались храмы и дома. Западноевропейская трактовка столь специфичного празднования, минимум, косвенно подтверждает

Илл. 16. Поречье. Праздник Никиты мученика. Дети с фонариками из овощей. Фото сентябрь 2005 г.

легенду о том, что Петр I посылал ростовцев/поречан учиться огородничеству в Голландию¹¹⁰. Неслучайно жители соседних сел называли поречских крестьян «немчурой»¹¹¹. Но вернее всего, истоки праздника лежат в житии вмч. Никиты. Вероятно, свет детских фонариков символизировал упомянутую в его житии путеводную звезду, подобную той, что указала волхвам путь в Вифлеем, помогающую человеку увидеть истинный путь. Обычай сохранился в Поречье до настоящего времени¹¹².

Общины, под патронажем помещиков через вотчинную администрацию — бурмистров и выборных, заботились о престарелых, бездомных и сиротах¹¹³, предоставляли своим членам деньги в кредит, особенно весной, когда в них ощущалась потребность на отъезд в города. Кредиторы, в числе которых с 1770-х гг. был сам граф В.Г. Орлов, как правило, имели самую достоверную информацию о своих должниках¹¹⁴. Такие займы могли оформляться в вотчинном правлении письменно¹¹⁵. В 1845 г. в Поречье, по инициативе графа В.Н. Панина был открыт общественный банк, финансирующий крестьян, выдавая денежные кредиты «под залог с поручительством» на сроки в 6, 9 и 12 месяцев. Ставка в 6% годовых вместо принятого тогда дисконта в 10 — 12% была благом¹¹⁶.

В России в целом, по мнению Б.Н. Миронова «мещане, ремесленники и крестьяне-горожане не были предпринимателями в истинном смысле этого слова. Подобно крестьянам, целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью — не богатство и слава, а спасение души. Протестантская экономическая этика была им совершенно чужда»¹¹⁷. Однако, в крестьянских общинах приозерных сел Ростовского уезда подобное отношение к богатству не было характерно. Переписка домовых контор с вотчинными правлениями, письма бурмистров и крестьян-отходников: огородников и торговцев имеют прагматичный «торговый» стиль, в котором преобладают суждения: «интерес» и «товар»; «прибыль» и «убыток»; «компаньоны» и «товарищи»; «деньги» и «капитал». В этой среде не было безразличного отношения к своему хозяйству, к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи, которое становилось заметным явлением у крестьян селений с традиционным полевым земледелием¹¹⁸. В их ценностной системе, очевидно, были те же морально-этические качества, с которыми зарубежные исследователи связывают генезис буржуазных элементов на Западе: бережливость, настойчивость в достижении цели, предприимчивость и трудолюбие, что также характерно и для российского старообрядчества.

Изучение различных аспектов развития торгового огородничества в крупных ростовских приозерных селах, таких как Поречье, Угодичи, Сулость и др. показало, что к Великой реформе 1861 г. здесь сформировалась сложная структура населения, включавшая большинство сословий и групп населения Российской империи. В дореформенный период в них проживали, трудились, их посещали представители следующих категорий населения: дворовые люди и вольноотпущенные, помещицы и казенные

крестьяне, солдаты и солдатки, мастера, купцы и мещане ближних и дальних городов, офицеры и мелкие чиновники, духовенство и дворяне-помещики, даже император Александр I, специально посетивший Поречье в 1823 г. В указанных селах формировались крестьянско-купеческие кланы «фабрикантов», выступавшие крупными работодателями. Для больших торгово-промышленных сел страны было свойственно полное обеспечение себя набором необходимых специальностей в той отрасли хозяйства, которая здесь развивалась¹¹⁹. В первую очередь это были огородники, специалисты промыслового пищевого производства. Имелись профессионалы сферы обслуживания: производители и торговцы продуктами общественного питания, портные, строители, кузнецы, а так же учителя и лекари. Это свидетельствует о городском типе развития инфраструктуры поселений.

В свою очередь, материальная культура и менталитет ростовских огородников, безусловно, повлияли на их окружение, в первую очередь – на крестьян-хлебопашцев соседних селений. Данное влияние определило пространственное расширение района торгового огородничества не только в Ростовском уезде, но и в некоторых соседних уездах¹²⁰, губерниях¹²¹, путем внедрения в поля хлебопашцев рыночных культур – горошка, цикория, картофеля, активизировало у них развитие отхожих земледельческих и кустарных промыслов, товарно-денежных отношений, агрокультуры, усилило тенденцию к прекращению коренных переделов в землепользовании и социальное расслоение. Процессы интродукции упомянутых промыслов, составивших к середине XIX в. в Ростовском уезде «главный источник местного благосостояния»¹²², в историко-культурном аспекте являются, по сути, воплощением активизации личного, индивидуального опыта их «зачинателей»¹²³.

Процессы взаимодействия и взаимовлияния материальной культуры и ментальности огородников со всеми вышеназванными стратами протекали не только в окрестностях Ростова. Их территориальные рамки выходили далеко за пределы центральной России, касаясь Прибалтики и Польши, Причерноморья, Южного Урала и Сибири, в отдельных случаях – Австрии, Германии и Франции¹²⁴.

В России, ростовские огородники сравнительно с деревенским крестьянством, занимавшимся полевым земледелием были менее традиционными, более грамотными и рациональными, более тесно связанными с рынком и потому более мобильными, больше ценившими деньги и собственность, более восприимчивыми к светской культуре, центрами которой являлись большие города, главным образом Москва и Петербург. Вполне очевидно, что ростовские огородники в середине XIX в. становятся, в определенном смысле, профессиональной группой, перерастая сословные рамки.

**

- ¹ Морозов А.Г. Источники по истории ростовского огородничества конца XVIII – первой половины XIX вв. // ИКРЗ 2007. Ростов, 2008. С. 376 – 386.
- ² РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Дд. 1039, 4529, 4531, 4540, 4583.
- ³ Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885.
- ⁴ ГМЗРК. А–1912. Отчет комплексной научно-исследовательской экспедиции 2005.; А – 1946. Отчет экспедиции 2007.; Отчет экспедиции 2010. В печати.
- ⁵ Коськов М.А. Материальная культура // Введение в культурологию. Курс лекций / Под ред. Ю.Н. Солониной, Е.Г. Соколова. СПб., 2003. С.43 – 52; Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.
- ⁶ Бойко В. П. Менталитет сибирского купечества в конце XVIII – XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII – XX вв. Сборник материалов конференции / Под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Новосибирск, РИЦ НГУ, 2003. С. 57; Воробьева М.В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях // Известия Уральского государственного университета 2008. №55. Серия 2. Гуманитарные науки. Вып. 15. С. 2 – 3.
- ⁷ Никольский Ф.Я. Село Поречье-Рыбное Ростовского уезда // ЯГВ. 1848. Неоф. ч. №37 – 43;
- ⁸ Морозов А.Г. Торговое земледелие крестьян Центрального Нечерноземья в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам Ростовского огородничества): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2009. С. 152 – 165.
- ⁹ Хранилов И.И. Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии. М., 1859. С. 34.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 846. Т. 3. Оп. 16. Д. 19178. Л. 6.
- ¹¹ Борисова А.В. Морально-нравственные нормы и правосознание государственных крестьян Ярославской губернии в первой половине XIX в. // Путь в науку: сборник научных трудов аспирантов и студентов исторического факультета / под ред. д-ра ист. наук проф. А.М. Селиванова; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 31.
- ¹² Титов А.А. Указ. соч. С. 19.
- ¹³ Никольский Ф.Я. Указ. соч.; Титов А.А. Указ. соч. С. 132; Федоров В.А. Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (Конец XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Московского университета. 1962. Серия 9, История. №6. С. 52.
- ¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 141; Д. 5. Л. 71 – 73; Д. 40. Л. 1-2; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 12 – 16 об.; ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3126. Л. 15, 20, 21 об., 53.
- ¹⁵ РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 4 об., 6 об. – 8, 30 об. – 37 об., 40 – 42 об., 45, 50 об., 54, 61 об., 66, 75. Примечание: с другой стороны – Ф.А. Карр в с. Угодичи: «Моим крестьянам некогда копать пруды и гавани, да разводить парки, а мне под старость некогда строить дом и переставлять с места на место улицы». См.: РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1567. Артынов А.Я. Угодичи подростовное село. Рукопись. 1877. Л. 25.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 13 – 13 об.; Д. 869. Л. 41 об., 107 об., 115 об.; Д. 679. Л. 25, 47, 58, 73 об.
- ¹⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3116. Л. 145, 170.
- ¹⁸ «Библиотека для чтения». 1849 г. Октябрь. С. 27.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 846. (ВУА). Оп. 16. Д. 19178. Л. 29 об.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2110. Л. 19 – 19 об.
- ²¹ Никольский Ф.Я. Указ. соч.
- ²² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 16 об.; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 6 об., 31 об., 37, 40 – 41 об..
- ²³ Столпянский Н.П. Промыслы в селе Поречье-Рыбном Ростовского уезда Ярославской губернии // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1885. С. 4; Морозов А.Г. Дом Маринина-Меньшова в

- селе Поречье-Рыбном // СРМ. Ростов, 2000. Вып. XI. С. 155 – 156; Мельник А.Г. Основные закономерности в развитии каменной архитектуры Ростова и его окрестностей с середины XVIII до середины XIX в. // ИКРЗ 2004. Ростов, 2005. С. 333 – 338.
- ²⁴ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 – 94 об.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1273. Л. 79, 83 об., 84; Д. 1299. Л. 1 – 3.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 689. Л. 4 – 8; РФ ГАЯО. Ф. 225. Оп. 1. Т. 2. Д. 2426. Л. 18 – 21; Фармаковский М. Из отчёта о поездке летом 1927 г. в Ростовский уезд Ярославской губернии // Отчет Государственного Русского музея за 1926 – 1927 годы. Л., 1929. С. 74 – 79; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 4540. Л. 249 – 249 об.
- ²⁷ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 6. Л. 35; Д. 11. Л. 22 об.; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 8, 31 об., 37, 42 об.
- ²⁸ РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 40. Л. 1 – 2; РГАДА. Ф. 1357. Оп. 1. Д. 53. Л. 60, 91 об., 113, 151, 153 об., 158 об.; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 4540. Л. 249.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 527. Л. 24. 26. 28-30. 31 об. 32. 34; Д. 679. Л. 32 об.; 102 об.
- ³⁰ РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 71 – 73.
- ³¹ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 37. 115 – 116. 173; Морозов А.Г. Указ. соч. С. 228.
- ³² Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб., 2000. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. С. 326.
- ³³ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 44; Уложение для с. Поречья гр. Орлова // ЯГВ. 1853. Неоф. ч. №42 – 45.
- ³⁴ Например, крестьянин Спасской слободы графа В.Г. Орлова Семен Пятунин в 1799 г. выкупился на волю за 10 000 руб., записался в ростовское купечество (РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 544. Л. 4 об.). Его внучка Анна Александровна вышла замуж за дворянина Данс. Именно она в 1835 г. продала Л.Ф. Кекину доставшийся ей в Ростове от отца, Александра Семеновича Пятунина, свой каменный двухэтажный дом на улице Покровской. Ныне Музей ростовского купечества, Ленинская, 32. См.: Сидорова В.Л. Новые данные о доме Кекиных // «Ростовская старина», 24 февраля 2009. № 143; Ошанин В.Д., Ошанина Н.Б. Родословие Ошаниных // СРМ. Ростов, 2005. Вып. XV. С. 263.
- ³⁵ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 об., 41, 63, 64 об.
- ³⁶ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 126.
- ³⁷ Прохоров М.Ф. Крестьянская семья в крепостной деревне Ростовского уезда в середине XVIII в. (по материалам Воскресенской вотчины Куракиных) // СРМ. Ростов, 1998. Вып. IX. С. 57 – 66.
- ³⁸ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 429.
- ³⁹ Уложение для с. Поречья гр. Орлова // ЯГВ. 1853. Неоф. ч. №42 – 45.
- ⁴⁰ Титов А.А. Указ. соч. С. 135.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1268. Л. 15.
- ⁴² Носевич В.Л. Многосемейное крестьянское дворохозяйство: реликт патриархального прошлого или феномен Нового времени? // Экономическая история: Ежегодник. М., 2006. С. 503–538; Dennison T. Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchazhnikovo, 1816 – 1858 // Continuity and Change 18(3), 2003. P. 395 – 429.
- ⁴³ РФ ГАЯО. Ф. 225. Оп. 2. Д. 43. Л. 65 – 73 об.
- ⁴⁴ РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 44 об.
- ⁴⁵ РФ ГАЯО. Ф. 225. Оп. 2. Д. 42. Л. 13 об. – 21.
- ⁴⁶ Dennison T. Указ. соч.
- ⁴⁷ Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Казань, 2010. С. 24 – 26.

- 48 РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 19 об., 20 об., 50 об., 52, 61 об., 68 об.
- 49 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 – 94 об.
- 50 Никольский Ф.Я. Указ. соч.
- 51 РФ ГАЯО. Ф. 225. Оп. 1. Т. 1. Д. 144. Л. 51 об. – 52. Из 19 крестьян, подписавших подворную опись с. Поречья 1784 г. неграмотных было 4 (21%). Из 14 крестьян, подписавших подворную опись с. Воржа 1788 г. неграмотных было 3 (21,4%).
- 52 ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3085. Л. 24.
- 53 Артынов А.Я. Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударagina. М., 2006. С. 282 – 285.
- 54 Цит. по: Петр Сергеевич Иванов. Неопубликованные исследования по истории и культуре Ростова XVIII–XIX вв. / Подготовка текста, комментарии Т.В. Колбасовой // СРМ. Ростов, 2008. Вып. XVII. С. 260.
- 55 Подсчет подписей «Договоров и согласий Поречского вотчинного правления...» за пять лет, с 1826 по 1831 г. показал, всего сочло нужным их оформить 108 человек. Из них грамотных – 76, неграмотных – 32. Среди неграмотных более чем в 3 раза больше женщин (вдов) и крепостных людей, купленных крестьянами «для своих услуг». См. РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 – 63 об.
- 56 РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1273. Л. 83.
- 57 РГАДА. Ф. 1357. Оп. 1. Д. 53. Л. 150 об.
- 58 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. «Книга на записку приговоров Поречского Волостного схода на 1864 и 1865 года». Л. 2 об. – 29 об. Подсчет соотношения грамотных/неграмотных крестьян, по 54-м общественным приговорам на волостных сходах, прошедших в 1864 г.; Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева; коммент. В.А. Кошелева, Б.В. Мельгунова и В.П. Бударagina. М., 2006. С. 14 – 15.
- 59 Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811 – 1813 гг.). Статистические очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М., 1956. С. 295.
- 60 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 82 об.; Артынов А.Я. Указ. соч. С. 391 – 392.
- 61 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 54; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 4540. Л. 249.
- 62 Артынов А.Я. Указ. соч. С. 344, 349 – 350, 357, 363, 396 – 397.
- 63 Бойко В.П. Указ. соч.
- 64 Артынов А.Я. Указ. соч. С. 288, 306, 322, 337.
- 65 ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3115. Л. 2 об., 29 об., 30, 101.
- 66 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 46 об., 47 об., 49 об., 60; РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 71 об., 72; Ф. 372. Оп. 2. Д. 263. Л. 201 об.
- 67 ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3115. Л. 134; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 164. Л. 1; Д. 165. Л. 1.
- 68 РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 6. Л. 49; Д. 26. Л. 4 об., 18 об., 20, 21 об., 42 об., 50 об.
- 69 РГАДА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 153. Л. 191; Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1268. Л. 14, 15, 15 об.; ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 63 об., 67; Д. 3115. Л. 114, 114 об., 115.
- 70 РГАДА. Ф. 1357. Оп. 1. Д. 51. Л. 129 – 130; Д. 52. Л. 210 об.
- 71 РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 4540. Л. 171 – 171 об. Речь идет о юго-восточной части Ростовского уезда; селения, расположенные в окрестности села Караш. См. также: РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 4529. Л. 10 – 11. О ростовцах в «лесных и медвежьих углах» уезда: «Там живет народ зажиточный, но серый, неотесанный...».
- 72 РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- 73 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 46 об., 47 об.
- 74 Морозов А.Г. Проблема обеспечения рабочей силой в ростовском огородничестве // Вестник Поморского университета. 2007. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 8. С. 31 – 35.
- 75 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 820. Л. 68.
- 76 Артынов А.Я. Указ. соч. С. 322.

- ⁷⁷ Давыдов В.А. О формах землевладения у ростовских огородников // ЯГВ. 1887. Неоф. ч. №95.
- ⁷⁸ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 127.
- ⁷⁹ РФ ГАЯО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 263. Л. 11 об., 38 об.(костром. мешане), 107, 120 об.(ростов. мешане), 143 об.(переслав. мешане), 169 об., 190 об., 220 об.(ростов. мешане), 256 об.(яросл. мешане), 261 об., 263 об., 317 об., 387 об.(переслав. мешане). Например, ростовская мешанка, девка Зиновия Андреева, проживавшая «в доме вдовы Марьи Кириловой Воробьевой в послужении»; «Проживающий на заработках в селе нашем костромской мешанин...» и тд.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 527. Л. 13 – 34;
- ⁸¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 73, 76; Д. 3116. Л. 5, 8, 133.
- ⁸² Морозов А.Г. Торговое земледелие крестьян Центрального Нечерноземья в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам Ростовского огородничества): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2009. С. 222 – 224; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 65 об.; Д. 544. Л. 4 об.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 11, 19; Д. 544. Л. 12 об., 54-55, 56 об., 57 об.; Д. 527. Л. 24, 26, 28-30, 31 об. 32, 34; Д. 679. Л. 32 об.; 102 об.; Д. 679. Л. 7 об., 78; Д. 986. Л. 114 об.; Д. 820. Л. 103 об., 115, 120; Д. 869. Л. 36.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 6 об., 10 об.; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 78 об.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. III. Д. 2549, 2550, 2552, 2554; Оп. 1. Ч. IV. Д. 2786, 3190-3196, 3225-230, 3233, 3234, 3244, 3249, 3251, 3253, 3257; Ф. 1274. Оп. 1. Ч. I. Д. 605.
- ⁸⁶ РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 1 – 105 об.
- ⁸⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Т. I. Д. 312. Л. 45; РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Т. I. Д. 3138. Л. 1-18; Ф. 196. Оп. 1. Д. 4157. Л. 26; Д. 5184. Л. 22 об.; РГБ ОР. Ф. 37. Ед.хр. 132. Л. 50.
- ⁸⁸ РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Т. I. Д. 635. Л. 1 – 64.
- ⁸⁹ РГБ ОР. М-985. «Переписка его относительно обращения его в православие» 1779 – 1780 г. // Сборник статей и писем в списках, связанных с переходом в православие. Список 1780 г. Л. 69 – 78 об., 86 а – 86 б.
- ⁹⁰ Уложение для с. Поречья гр. Орлова // ЯГВ. 1853. Неоф. ч. №42 – 45.
- ⁹¹ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3116. Л. 40; Д. 3126. Л. 18 об., 55, 58 об.; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 14, 55, 59 об.; Д. 544. Л. 15 об. – 16, 69 об., 126; Д. 820. Л. 42 об. – 43, 66, 81, 86 об., 93 об., 103; РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 9 об., 14 об., 68.
- ⁹² РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 21. Л. 10; Д. 30. Л. 65, 71.
- ⁹³ Никольский Ф.Я. Указ. соч.
- ⁹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 3, 34.
- ⁹⁵ Романюк С.К. По землям московских сел и слобод. Часть 1. (между Садовым кольцом и Камер коллежским валом). М., 1998. С. 169; Фотографии старой Москвы. Пыхов-церковный переулок // <http://www.oldmos.ru/photo/view/13150>; Елена Лебедева. Московская церковь св. Василия Кесарийского на 1-й Тверской-Ямской // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/84.htm>
- ⁹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 5. Л. 105 об.
- ⁹⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 3 об., 34, 68 об.
- ⁹⁸ ГМЗРК. АД-5882. Дневник для службы старосты церкви Богоявления Господня, крестьянина села Угодичи Александра Артынова. См. также: АД-5890 и др.
- ⁹⁹ Примечание: в с. Поречье церковную ограду храмового комплекса в центре села в 1813 г. проектировали архитекторы – А. Цуканов, Джованни и Доминико Желярди. См.: Морозов А.Г. Церковная ограда храмового комплекса в центре с. Поречье // Ростовская старина, 28 августа 2007. № 134.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 55; Д. 544. Л. 69 об., 126; Д. 986. Л. 112 об.; ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 34.
- ¹⁰¹ Алитова Р.Ф., Никитина Т.Л. Церковь святых апостолов Петра и Павла в селе Поречье Ярославской области – памятник архитектуры и живописи XVIII века // Искусство христианского мира. М., 2005. Вып. IX. С. 247 – 254.

- ¹⁰² Никольский Ф.Я. Указ. соч.; Титов А.А. Указ. соч. С. 132; Столпянский Н.П. Указ. соч.
- ¹⁰³ РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 5 об.
- ¹⁰⁴ Артынов А.Я. Указ. соч. С. 305.
- ¹⁰⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 312. Л. 45; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 820. Л. 81; РГБ. ОР. Ф. 219. Карт. 32 – 42. Л. 14, 18 об., 20; Карт. 32 – 43. Л. 3.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Петр Сергеевич Иванов. Неопубликованные исследования ... С. 271 – 272.
- ¹⁰⁷ РФ ГАЯО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 263. Л. 1 об., 21 об., 113 об., 200 об., 339 об.
- ¹⁰⁸ Виденева А.Е. Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века. М., 2004. С. 328.
- ¹⁰⁹ Артынов А.Я. Указ. соч. С. 369, 375, 382. Всеволод Андреевич Грачев – старший брат выдающегося огородника-селекционера Ефима Андреевича Грачева (1826 – 1877.). Родная сестра А.Я. Артынова – Анастасия, была замужем за другим братом – Дмитрием Андреевичем Грачевым.
- ¹¹⁰ Хранилов И.И. Указ. соч. С. 15; Титов А.А. Указ. соч. С. 152.
- ¹¹¹ Никольский Ф.Я. Указ. соч.
- ¹¹² ГМЗРК. А–1912. Морозов А.Г., Куликов В.Ю., Комогорцева А.А. Запись от Анны Ивановны Баженовой (Хохольковой), 1916 г.р. в п. Поречье // Отчет комплексной научно-исследовательской экспедиции 2005. С. 167, 203 – 204 (фотофиксация праздника).
- ¹¹³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 4, 16 об., 46.
- ¹¹⁴ РНБ ОР. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 101, 103 об., 104 об.
- ¹¹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 – 94 об.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1270. Л. 2; Д. 1273. Л. 81 об.; Л. Новикова. Где взять кредит? // Газета «Ростовский вестник» 1994. 26 июля. №43.
- ¹¹⁷ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 128.
- ¹¹⁸ Милов Л.В. Указ. соч. С. 431.
- ¹¹⁹ Морозова Э.А. Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 2003. С. 83.
- ¹²⁰ Примечание: в с. Вятское Даниловского уезда Ярославской губернии выращивание огурцов началось в 1822 – 1827 г. Его развитию во многом способствовали: первоклассная серо-черноземная почва, особенно годная для растения и переселенцы из огородных районов Ростовского уезда. См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 г. Ярославль, 1863. С. 192; Кадек М.Е. Даниловский уезд (Географо-экономический очерк). Ярославль, 1927. С. 12; Головщиков К.Д. г. Данилов Ярославской губернии и его уезд. Ярославль, 1890. С. 15.
- ¹²¹ Примечание: «И вот в 1793 году молодой и предприимчивый крестьянин Трофим Иванов Муравкин [из села Стряпково Юрьевского уезда Владимирской губернии – М.А.], увлекшись промыслом огородничества этих соседних жителей [сел Ярославской губернии Поречье и Караш – М.А.] вероятно поощряемый к тому помещиком, задумал изучить огородничество...» // Сто лет огородничеству Муравкиных. Владимир, 1899. (Приб. к №9 Влад. Губ. Вед. Неоф. ч. 26 февр. 1899 года). С. 3.
- ¹²² Хранилов И. Огородничество в Ростовском уезде // ЯГВ. 1851. Неоф. ч. №50; Федоров В.А. Указ. соч. С. 51.
- ¹²³ Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России. (Центрально-нечерноземные губернии). М., 2002. С. 112.
- ¹²⁴ Земледельческая газета. 1835. № 96; Ушаков А. Очерк характера Ростовской сборной ярмарки и промышленности Ростовского уезда. М., 1861. С. 4.